

ПРИРОДНЫЕ НАЧАЛА ПОЛИТИКИ И ВЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫ ЛИ ОНИ СЕГОДНЯ?

Ермаков Юрий Александрович

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
Jury.Ermakov@urfu.ru

Аннотация. Политика и отправление государственной власти обычно считаются исключительно рациональными видами деятельности человека, определяемыми спектром целей, задач и проблем, которые решает общество в целом. Однако в критические, переломные моменты истории в этих интеллектуальных сферах проявляются очевиднее и масштабнее природные, естественные факторы, понимание значения и роли которых помогает не только улучшить прогноз важных общественных событий и трендов, но и эффективнее ими управлять.

Ключевые слова: врожденные программы поведения; иерархия; покорность; естественная мораль; агрессия; политическая власть

NATURAL PRINCIPLES OF POLITICS AND POWER: ARE THEY RELEVANT TODAY?

Yuri A. Ermakov

Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Jury.Ermakov@urfu.ru

Abstract. Politics and the exercise of state power are usually considered exclusively rational human activities, determined by the range of goals, objectives and problems that society as a whole solves. However, at critical, turning points in history, natural factors manifest themselves on a larger scale in these intellectual spheres, understanding the significance and role of which helps not only to better predict social events and trends, but also to manage them more effectively.

Keywords: innate programs of behavior; hierarchy; obedience; natural morality; aggression; political power

Допустимо ли сравнивать политическое поведение человека с движением жука, рыбы, птицы или слона? Некоторые скажут, что соизмерять его, например, с активностью человекообразной обезьяны куда ни шло, поскольку гомо сапиенс тоже относится к роду приматов [3, с. 171–179]. Однако если его действия сравнивать с движением крысы или, хуже того, таракана, то такое сравнение, очевидно, является чуть ли не оскорблением человеческой природы, явным покушением на коронное место человека в природной эволюции в качестве ее венца!

В советское время длительное и яростное отрицание роли биологических инстинктов в построении нового общества и его политической власти сделало свое дело: даже и сегодня люди, как правило, считают их исключительно делом рук человеческих. А политику государства или, паче чаяния, международных организаций и корпораций числят «высшей математикой» человеческого интеллекта, доступной лишь избранным. Тех же ученых и специалистов, кто пытается применить, например, эволюционный подход к анализу общественно-политических явлений, клеймят нередко как «социал-дарвинистов», «биологизаторов», «редукционистов», «вульгаризаторов» и т. п. [6, с. 681].

Между тем хорошо известно, что еще почти 2,5 тысячи лет назад Аристотель, размышляя о природе и сущности человека, поименовал его как «животное политическое» («*zoon politikon*»). Будучи основоположником зоологии, он и в оценке содержания и сути человека слово «животное», видно, не случайно поставил на первое место, указав таким образом, откуда в его общественной жизнедеятельности вытекают политические начала [1, с. 7].

Много споров до сих пор ведется о том, что именно подразумевал Аристотель под словом «политическое» и не является ли оно синонимом понятия «общественное». Ведь государство и общество в стародавние времена еще были слиты в полисах – городских поселениях в Древней Греции, построенных на межгрупповом, сословном соподчинении и на этой основе – активном политическом общении жителей между собой. Их взаимодействие, например в Афинах при архонте Солоне, позволяло, как правило, вырабатывать общие гражданские ценности, цели и приоритеты совместной жизни, создавать новые органы полисной власти, которые, в свою очередь, связывали данное поселение людей воедино, в некую государственную целостность. Именно разработку этих универсальных «скреп», их внедрение в общественную жизнь и, главное, укоренение в ней Аристотель и называл политикой. В свою очередь, эта плодотворная политическая деятельность, по его мнению, генерировала «высшее общественное благо», т. е. «благую (счастливую) жизнь» жителей полиса.

Вместе с тем, превосходя своих животных собратьев в данной деятельности с помощью интеллекта, активностей разума и языка, человек тем не менее в значительной части своей сложносоставной природы остается естественным существом. И его поведение, следовательно, во многом определяется предковой биологической наследственностью и первобытным прошлым.

Словом, Аристотель в этом знаменитом определении сути человека указывает на ее, как мы теперь понимаем, драматическую двойственность (и во многих случаях биполярность), состоящую из общественно-политической и естественно-биологической частей. Уместно вспомнить

при этом, что впоследствии, через тысячелетия, Ч. Дарвин также неоднократно указывал на то, что, например, различия между мышлением человека и животных носят, по его мнению, не столько качественный, сколько количественный характер. Стало быть, первооткрыватель естественного отбора также свидетельствовал нам о родственности высших психических проявлений у человека и животных, более того, о взаимодействии этих когнитивных компонентов в сложноорганизованной природе самого гомо сапиенса [2, с. 350–395].

Как же проявляется эта родственность политического поведения человека, с одной стороны, в соотношении с действиями его природных собратьев, с другой?

Иерархия и доминирование. Этот естественный «институт» организации устойчивого и структурированного порядка в различных сообществах существует у очень многих видов животных – не только у человекообразных обезьян или львов, леопардов, лошадей и волков, но также, к примеру, у птиц – у голубей, синиц, уток и т. д. Другими словами, человек, как полагают этологи, скорее всего, получил в биологическое наследство не одну, а множество разнообразных иерархических программ организации социума, обеспечивающих упорядочение его жизни. Эти подчас альтернативные врожденные программы в силу своего разнообразия позволяют с помощью интеллекта и исторически развитой культуры делать, хотя лишь отчасти, осознанный выбор между ними, но вместе с тем значительно улучшать их и сообразно своим нуждам реализовывать те или иные сценарии общественно-политического поведения.

Как показывают антропологи, наши предки – гоминиды, появившиеся примерно полтора миллиона лет назад, были некрупные и слабо вооруженные существа, занимавшиеся преимущественно собирательством и поиском падали, ловлей мелких животных, насекомых и поглощением трупов. Очень важно, что они были не способны в одиночку или отдельными семьями защищаться от крупных хищников. Вот почему едва ли не единственным выходом в полной смертельной опасности саванне была для них организация стада во главе с жесткой иерархической пирамидой, образованной половозрелыми и наиболее сильными самцами. Благодаря такой иерархии были во многом ликвидированы разрушительные конфликты особей в стаде из-за пищи, самок и мест обитания, и это единство и порядок позволили в минуты опасности организовывать сообщество гоминид как оборонительную структуру, обеспечивающую выживание стада в целом.

Очевидным свидетельством естественности у человека группы иерархических инстинктов и соответствующих им программ поведения является их удивительная способность самособираться наподобие кристаллов соли в воде или возникновения снежинок из ее паров в воздухе.

Благодаря механизму своеобразной «сублимации» – переходу энергии предковых поведенческих алгоритмов в разнообразные контакты и взаимодействия людей, а в итоге включение и задействие их в устойчивых общественных отношениях, мы имеем, например, четкую официальную иерархию в армии, дополняемую иерархией неуставных отношений и подчас так называемой «дедовщиной». Кроме того, к примеру, иерархия наихудших по качествам индивидов с выделением специфических лидеров всегда самособирается в тюрьмах (во главе с «паханом»), в бандах разбойников и пиратов, в мафии, и характер коллективных действий этих сообществ – от изощренно жестоких, даже изуверских, до самых прекраснотушных – зависит от наличия соответствующих идеологий, «корпоративной культуры» и личных качеств иерархов – лидеров. Подростковые иерархии, стихийно, сами собой возникающие в подворотне, в детских домах и школах, в различных уличных играх, да и в склонности к соперничеству малых детей, также свидетельствуют о наличии в них природного компонента.

В политике автократические государства, построенные на господстве «вертикали власти» во главе с иерархами – лидерами (одним или несколькими), всегда были преобладающей формой упорядочения общественной жизни на всем протяжении истории человечества. Они возникали, как правило, спонтанно, очень часто без всякой идеологии, множились в самые разнообразные формы монархии, деспотии, тирании, олигархии или военных диктатур и обширных империй. Их бессознательным «руководством» к подобному обустройству социумов были не только политические традиции и соответствующий им общественный опыт, но и, очевидно, большая группа разнородных иерархических инстинктов, фактически гарантирующих на биологическом уровне жизни большинства людей определенную жизнеспособность этих государственных устройств. Другими словами, иерархические модели социальной жизни оснастили генетический багаж человечества, нажитый им в эволюционной борьбе за выживание под универсальным контролем групповой формы естественного и социального отбора.

Конечно, демократические начала в коллективной жизни наших предков тоже возникали, но были они достаточно кратковременными и слабыми, например в охотничьей кооперации в бригадах загонщиков крупного зверя. Однако действовали они далеко не у всех живших в разных частях планеты человеческих популяций. И вообще период Больших Охот был кратким мигмом в эволюции человечества, охотники почти везде исчезли и вымерли, если не превратились в результате оседлого образа жизни в земледельцев и позднее в торговцев.

Стало быть, кооперация, разделение видов труда и деятельности, а также развитые ими у гомо сапиенса способности к психологической

эмпатии и коллективной жизни большими общностями могли бы стать в конечном итоге социоприродными началами демократических форм жизни людей. Однако, как мы сегодня понимаем, кроме этих начал демократия требует и развитых речевых дискурсов для обсуждения насущных и общих проблем, полноценного диалога в группах индивидов, обратных связей и эффективного взаимодействия между теми, кто блаженствует вверху и страдает внизу общественной пирамиды. А эти условия появились лишь на поздней ступени истории, причем не бескровно, а очень часто в результате гражданских войн, революций, мятежей и народных бунтов. Так что если присущую человеку жажду власти, страсть к доминированию и господству (и их превращенные формы – любовь к покорности и повиновению) можно считать прямым продуктом многообразия природных и общественных иерархий, то демократию – по преимуществу продуктом его разума в крайне изнурительной борьбе с иерархическими инстинктами. Вот почему демократические формы человеческой жизни сами по себе, как правило, не самособираются и спонтанно, в зародышевой форме, едва возникают, за них нужно бороться, всемерно поддерживать их рост и становление своей политической и гражданской активностью. Поскольку в силу своей хрупкости и слабости в природе и истории их всегда могут подавить коллективная «воля к власти» и доминированию в сочетании со стремлением к покорности, а также вечная и одержимая страсть элит подвергнуть общество своекорыстному и глубоко пронизывающему его контролю.

Мораль. Обычно люди считают мораль и нравственность исключительно человеческим достоянием, так как, мол, в природе естественный отбор позволяет выживать лишь наиболее сильным и приспособленным к среде обитания особям. Тем, кто способен к изменчивости своих свойств и качеств, закреплению в потомстве наиболее адаптивных черт характера и образа жизни. Словом, в эволюции и естественном отборе нет якобы никакой морали, и, следовательно, «кто палку взял, тот и капрал» – именно это правило оказывается одним из базовых законов «природных джунглей».

Между тем именно естественный отбор вырабатывает у наиболее сильных и приспособленных видов животных так называемую «естественную мораль» – систему запретов на применение смертельного природного вооружения в любых внутривидовых конфликтах, представляющих критическую опасность для данного вида в целом. Лауреат Нобелевской премии К. Лоренс так сформулировал общий принцип естественной морали у животных в целом: у сильных животных, как правило, действует сильная мораль, у слабых – слабая [5, с. 178–203].

Так, у многих видов – ядовитых змей, леопардов, львов, тигров и т. д. – их физическое вооружение (смертельный яд, мышечная мощь, сабельность, скорость движения, молниеносные удары и т. п.) так сокруши-

тельно, что их боевые стычки и турнирные сражения могут закончиться гибелью соперников. Поэтому они подчиняются выработанным естественным отбором врожденным запретам – «не бить лежачего противника», принявшего позу покорности, не истреблять его детенышей, не покушаться на чужую территорию обитания, на родовые гнезда или плодородных самок, не нападать в схватке сзади или совсем неожиданно, не отнимать чужую пищу и не воровать ее [4, с. 6–7]. Вот почему общечеловеческая мораль в своих истоках является отчасти общебиологической, которая и сегодня регулирует внутривидовую и межвидовую конкуренцию, стычки и взаимодействие в животных популяциях.

Вместе с тем правда и то, что естественная мораль совсем не является императивной и безусловной, поскольку даже сильные животные под влиянием страстей и опасностей, возникающих в среде их обитания, могут украсть или силой отнять лакомые куски пищи у сородичей, а также нападать и бить слабого и, разумеется, убить соперника, нарушая таким образом врожденные запреты.

Человек в своем происхождении от дочеловеческих предков является сравнительно слабым физически животным, тем не менее и он рождается не «*tabula rasa*», а с некими, но, к сожалению, довольно хлипкими нормами естественной морали, которые впоследствии вынуждены развивать и усиливать религия и культура. Вместе с тем гомо сапиенс в силу своей изначальной слабости способен и освободиться от диктата морали, изощренно придумав пути обхода ее норм и правил. Так, например, в политике, следуя авторитарному искусству разделять и властвовать, он делит подчас подвластную ему общность управления и политического влияния на своих и чужих. К своим – единомышленникам и однопартийцам, социально и «классово близким», единоверцам или людям одних с ним этноса и расы он придерживается в действиях норм морали и общей культуры, как он это делает и в отношении собственных родственников и друзей. Зато к чужим – вольнодумцам и оппозиционерам, классово чуждым и инородцам, коллаборантам и изменникам, а тем более к заклятым врагам он может применять самые жестокие и даже изуверские способы нападения и беспощадно натравливать одну часть общества на другую. Таким образом, демагогическое разделение людей в обществе на «наших и не наших» может снять в политических действиях человека даже врожденные запреты и подчас становится причиной гражданских конфликтов и войн, силовой дискриминации, репрессий и даже геноцида в отношении определенных социальных групп, например на основании каких-либо неприемлемых для данных политических субъектов их расовых или национальных признаков.

Агрессия. В обыденной жизни под «агрессией» понимаются обычно случаи какого-либо нападения с нанесением материального или мораль-

ного ущерба ближним или дальним. Однако в природе не всякое нападение можно назвать агрессией. Когда леопард ловит косулю – это не агрессия, а охота. Погоня загонщиков за лосем или ловля рыбы заядлым рыбаком – это тоже не агрессивные действия, а любительское удовольствие. Никто из охотников и рыбаков не испытывает к дичи и своей добыче ни гнева, ни раздражения и ненависти, ни тем более овладевающего ими страха. А вот когда эти деструктивные чувства сопровождают нападки, погромы и атаки, приводят к жертвам и ущербу, тогда можно говорить об агрессии [5, с. 108–224].

Словом, агрессия, как правило, порождена страхом, его приступами, страх «прошивает» агрессию, они очень тесно взаимосвязаны между собой. Самые разнообразные опыты на группах животных и множество событий в жизни человека неоднократно и с очевидностью показывают, что устрашение и запугивание приводят, как правило, к боязни, паническим атакам, фобиям, а они, в свою очередь, порождают агрессию и вражду. Вступая в конфликт, в конфронтацию, соперники или враги испытывают различные страхи, приступы же страха приводят к эскалации агрессии и нападкам, к разорительным и кровавым расправам. Вот почему агрессивное-трусливое состояние, говорят ученые, очень опасно, поскольку приводит к иррациональным и непропорциональным ответным действиям, к превышению пределов необходимой самообороны. Иногда мстительная агрессия сопряжена с изощренной жестокостью и зверствами в отношении врагов, с их бессмысленным убийством.

Примечательно, что в эволюционной биологии и этологии «агрессивность» означает злобу, гнев, ненависть, яростное неприятие кого-то или чего-либо. Но, как показал К. Лоренц в своей знаменитой работе «Злоба: естественная история агрессивного поведения», агрессия является эволюционным механизмом выживания видов, и в этом своем качестве она нейтральна, никак морально не окрашена. Человек при этом с доисторических времен и древности обладает повышенной агрессивностью, поскольку ему нужно было компенсировать в межвидовой конкуренции свою слабость в качестве природного существа. И, более того, даже вместе с его культурным и технологическим развитием агрессия всегда так или иначе присутствует в нем. Она возникает в его психике спонтанно, активно накапливается как в отдельных индивидах, так и в социальных группах и социумах в целом – и это совершенно естественный процесс. Вот почему порог запуска растущей агрессии постоянно понижается, достаточно иногда мелкого раздражающего повода, чтобы она прорвалась наружу. В бытовых конфликтах, сварях соседей и родственников это видно очень наглядно.

В политике часто используется природный механизм переадресации агрессии. Например, с помощью образа врага, формируемого средствами

пропаганды, на этого недруга перенацеливается и фокусируется на нем растворенное в коллективной психологии недовольство теми или иными напастьми, сложностями и проблемами общественной жизни. А новый трек канализации агрессии помогает обезопасить ее в отношении тех или иных правящих политических сил.

Заключение

1. В политике, в борьбе за власть так или иначе присутствуют предковые социобиологические алгоритмы поведения, выработанные естественным и социальным отбором – это установленный наукой факт.

2. Каким образом они проявляются в многообразии поведенческих актов людей в сфере политики? Прежде всего они носят, как правило, рамочный характер и к тому же разнообразны по своему содержанию, т. е. по определенному и одновременно разному перечню алгоритмов поведенческих актов. Являясь порой альтернативными, они тем не менее могут быть направлены к одной и той же цели.

В рамках этих гибких и одновременно достаточно принудительных биосхем поведения, присущих виду гомо сапиенс в целом, формируются различные локальные субкультуры политических действий людей. (Так происходит и, например, в случае с пищевым рефлексом, поскольку в его широких и императивных рамках формируется все гастрономическое многообразие национальных и территориальных кухонь в различных странах и у разных народов. Также в рамках полового инстинкта и соответствующего ему гендерного поведения формируется богатство брачных ритуалов, отношений и эротических культур разных этносов и народов.)

3. Значительный автоматизм и бессознательность проявления. Если при этом человек не понимает подлинных истоков и мотиваций своего поведения, то в этом случае разум будет только обслуживать инстинкты, создавая правдоподобные рационализации – псевдообъяснения и псевдооправдания политических действий людей – акторов.

4. Если в общественно-политических действиях человека присутствует так или иначе какая-либо биопрограмма, то целедостижение и эффективность его действий возрастают, поскольку природный алгоритм генерирует предшествующий опыт выживания и энергетику, создающую удвоенную активность дел и поступков данного актора.

К тому же если человек осознает участие в своих действиях биопрограммы, а не слепо следует ее воздействию, то его положительная дееспособность возрастает многократно.

5. В переломные моменты истории, которые мы сегодня переживаем, когда одни правила жизни устарели и ушли, а другие еще не созданы или не отработаны для использования, природа как бы подставляет нам «свое плечо». Поскольку в этих случаях резко возрастает роль и значение природных начал в разнообразной деятельности человека. Знать и пони-

мать эти начала – значит повысить шансы человека не только выжить, но и прожить полноценную жизнь. Это касается не только отдельных людей, но и социумов в целом.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. М.: Изд-во АСТ, 2016. 384 с.
2. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. 704 с.
3. Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2016. 272 с.
4. Дольник В. Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа. 1993. № 1. С. 1–29.
5. Лоренс К. Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2011. 320 с.
6. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1999. 912 с.